

А.П. Каждан

ПИСЬМА ИГНАТИЯ ДИАКОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ*

В 1903 г. Мануил Гедеон опубликовал 64 письма из Ватопедской рукописи 1035 (X в.); он рассматривал эти письма как анонимные, но предположительно видел в Феофане Никейском их автора¹. Ж. Паргуар, однако, предположил, что эти письма были написаны другим человеком, Игнатием Никейским (или Игнатием Диаконом), и эта гипотеза была развита Кирилом Мэнго². Оставляя сейчас в стороне проблему авторства, заслуживающую, мне думается, специального рассмотрения, я намерен использовать эту корреспонденцию как ценнейший источник по византийской экономике и податному обложению; почти вся эта информация, кстати сказать, содержится в первой части сборника писем, автора которого я буду условно называть Игнатием.

Кто бы ни был создателем писем Игнатия, они несомненно принадлежат первой половине IX в., периоду, весьма темному в истории Византии, и тем не менее они, насколько я знаю, не были еще использованы с этой целью. Я не стану приводить имена тех ученых, кто, работая в области экономической и фискальной истории Византийского государства этого времени, мог бы использовать письма Игнатия, но игнорировал их – я ограничусь только тем, что с сожалением отмечу, что и я остался в неведении об этом источнике. Причина такого невнимания к сборнику лежит отчасти в труднодоступности публикации Гедеона – я пользовался ею в ксерокопии, принадлежащей Библиотеке Думбартон Оукса. Как бы то ни было, пришло время вспомнить этот пробел и обратиться к переписке Игнатия.

1. Обработка земли

Наша церковь, говорит в одном из писем из писем Игнатий (п. 1, стб. 1. 15–18), не вскармливает волов для пахоты и не пользуется плугом, будь то составной или сделанный из одного куска дерева (*Гесиод*. Труды. 433), ни сошником, закаленным в пламени. Я не могу сказать, действительно ли автор имел в виду, что церковь (Никейская?) не была вовлечена в земледельческие работы, но во всяком случае он рисует картину сельскохозяйственного труда, как он представляет это себе (частично с

* Мой приятный долг выразить благодарность тем коллегам, кто прочитал статью в английском оригинале и своими критическими замечаниями способствовал ее подготовке: А.М. Толбот, А. Лайу, Н. Ойконмидису и М. Мак-Кормику.

¹ *Gedeon M. Νέα βιβλιοθήκη ἐκκλησιαστικῶν συγγραφέων* (Constantinople, 1903). 1–64. К. Мэнго подготавливает новое издание с английским переводом и комментарием.

² *Pargoire J. Lettres inédites d'Ignace de Nicée // Echos d'Orient*. 1903. Т. 6. P. 375–78; *Mango C. Observations on the Correspondence of Ignatius, Metropolitan of Nicaea (First Half of the Ninth Century // Texte und Untersuchungen*. 1981. Bd. 125. P. 403–10. Я надеюсь коснуться вопроса об авторстве в другой статье и до той поры предпочитаю сохранить условное имя Игнатия.

помощью Гесиода). Упряжка волов ζεύγη была обыденной метафорой как для Игнатия (стб. 9. 32–33; 12. 10–12), так и для многих других византийских писателей.

Игнатиевы сравнения, почерпнутые из сельскохозяйственной жизни, включают плодоносящее оливковое дерево, обильно политое духовным дождем и способное выказать милосердие (в оригинале традиционная игра слов, основанная на сходстве ελαία и ελεειν (стб. 5.7–10). Сходные – весьма абстрактные – образы всплывают и во второй части сборника: во сне автор видел гроздь темного винограда, положенного среди другого угощения на стол, накрытый “для знатных гостей” (стб. 58. 11–15). Описывая свою жизнь на берегу залива, Игнатий сообщает, что ему доставалась малая доля улова рыбы (стб. 48.14–15), тогда как в овощах он испытывал недостаток (стк. 21–23).

2. Работники

В поздних документах термин “парик” обозначал зависимого крестьянина. Мы располагаем весьма малым числом текстов IX в., упоминающих париков, и истолкование этих источников остается спорным. Тем более важным является письмо I переписки Игнатия, содержащее редкую информацию относительно статуса этой категории сельского населения. Писатель сетует, что его церковь была несправедливо оговорена ее париками, которые жаловались, что церковь обделяет их, когда дело доходит до урожая (γεωργία) с земли, которую они возделывали словно наемные работники (μισθοφόροι) (стб. 1. 9–14). Игнатий утверждает, что претензии крестьян не соответствовали действительности; церковь, настаивает он, не держала пахотных упряжек (см. выше), иными словами, не практиковала домениальной обработки земли и не имела мистиев, но наделяла работников землей и взимала с них “поставку” (παροχή) (что бы это слово ни обозначало), которую обеспечивал Господь, подаватель урожая (стк. 18–21). Иначе говоря, церковь сдавала свою землю держателям-парикам и получала с них платежи – мы не знаем, в деньгах или натурой. Он заверяет далее, что церковь брала то, что принадлежало ей (ἴδιο) по праву, тогда как все остальное доставалось крестьянам, работавшим по договору (ἐπὶ συμφώνῳ) (стк. 25–27).

Так, земельный собственник в Византии IX в. имел дело преимущественно с двумя категориями работников: с париками-держателями, которые платили ренту на основании своего договора, и с наемными работниками, мистиями, трудившимися на домениальной земле с помощью хозяйского инвентаря.

Письмо I свидетельствует, помимо этого, что отношения церкви с ее держателями зиждились на γεωργικὸς νόμος (стк. 21–22). Это выражение может быть интерпретировано в самом общем смысле “сельский обычай”, но оно также может относиться к известному документу, так называемому Земледельческому закону, памятнику VII или VIII в., породившему огромное количество противоречивых суждений. В последние десятилетия стало модным принижать его значимость: сплошь да рядом его рассматривают как частную компиляцию, ограниченную определенной территорией (никто не знает какой). У меня нет ни малейшего желания вступать на тернистый путь обсуждения Земледельческого закона, но я хочу подчеркнуть, что Игнатий как будто бы рассматривает Георгикон номос как официальный (?) документ, регулировавший среди других проблем земельную ренту; документ, который мог быть использован во время конфликта между землевладельцем и его держателем.

Термин “мистий” употреблен также в одном из писем второй части сборника. Это письмо снабжено странной и, может быть, испорченной леммой. Адресат письма – Константин, спафарокандидат (характеризуемый как “императорский” и “высший”), кто был служащим по ведомству дрома (Гедеон оставил слово дроμῆ нерасшифрованным). В этом письме Игнатий просил Константина разъяснить логофету (видимо, дрома) трудности его положения и сделать так, чтобы логофет питал его “как одного

из последних мистив” (стб. 41.31–34). В отличие от письма 1 это послание пользуется словом “мистий” скорее в переносном, чем в техническом смысле: мистий здесь – это “последний” человек, который должен быть поддержан из милости, а не представитель юридически определенной категории крестьян, противопоставленной парикам-держателям.

3. Торговля и ремесло

Письмо 13, направленное епископу Еленополя, чрезвычайно важно. Игнатий начинает его избитым выражением касательно необходимости соли для человеческого организма (даже хлеб, замечает он, несъедобен без соли – стб. 13.7–12), и после такого введения он обращается к помощи “Вашей сочной (т.е. щедрой) руки” и просит епископа послать некоторое количество соли, разумеется, не без оплаты; в качестве залога (ὑρροβίον) он посылает три золотые монеты и ожидает, что другая сторона поставит “договоренное количество” (τὸ ἐκ συμφωνήσεως λόσον) соли. По получении продукта полная цена будет выплачена в размере 12 золотых монет (стб. 13.13–23).

Таким образом выясняется, что Еленопольская епископия торговала солью и что церковь (Никейская?) выступала покупателем; покупатель должен был внести в качестве залога 25% стоимости и уплатить остальное по доставке товара. Цена (12 номисм) представляется весьма высокой, но мы находимся в неведении в отношении как количества потребителей, так и частоты сделок; мы не осведомлены и относительно возможности использования этой соли для промышленных целей, как-то: засолка рыбы. Несмотря на всю его ограниченность, письмо 13 сообщает уникальную информацию.

Ремесленная тема затронута во второй части корреспонденции, но опять-таки мы наталкиваемся там на метафорическое использование образов, не на реальное ремесло. Мы читаем там о хитоне, сотканном не из шелковых нитей, но из божественных идей, и украшенном рисунком из многокрасочных добрых дел (стб. 31.9–13). Попутно Игнатий упоминает мази (стб. 32.9–10) и καταλλαγή – обменную операцию (стб. 57.14–15).

4. Налоговая система

Письмо 6 адресовано ипату Константину, светскому чиновнику, чьи обязанности, к сожалению, остаются неизвестными. Во введении Игнатий нагромождает комплименты своему адресату, который, по словам писателя, следует правильным курсом не только в государственных делах, но и в вопросах благочестия; именно это позволяет Игнатию с надеждой обращаться к суждению Константина. Слово κρίσις, использованное в этом месте, видимо, не только моральное суждение, но и суд, и вполне может статься, что автор имеет в виду учреждение, руководимое Константином.

Предмет письма подготовлен уже в преамбуле, где Игнатий использует двойственный смысл выражения θεῖα πλεονεκτήματα, означающего как “божественное превосходство”, так и “императорскую жадность”. Автор озабочен вопросами обложения, а именно недавно введенным церковным налогом (ἐκκλησιαστικῶν κεφαλαίου) (стб. 6.10–11): Игнатий получает послание от епископа Икония, который жалуется на куратора Пил, требующего уплаты золотой монетой за монастыри, которые находятся под контролем епископа; требование обосновывается тем, что монастыри были воздвигнуты поблизости от владений ксенодохиона (стк. 14–23).

Куратор Пил, поименованный в этом письме, по всей видимости, тот же чиновник, который назван ксенодохом Пил в лемме к письму 34 в сборнике писем из cod. Vindob. philol. gr. 342; С. Ламброс предположил, что автором этих писем был Феодор, митрополит Кизический в X в., однако Ж. Даррузес ставит эту атрибуцию под сомнение³, длинное письмо изобилует земледельческими образами (особенно интересно описание

³Lampros S. Ἐπιστολαὶ ἐκ τοῦ Βιενναίου κώδικος Phil. gr. 342 // Neos Hellenomnemon. 1926. Vol. 20. P.35–40; Darrouzès J. Epistoliers byzantins du Xe siècle. P., 1960. P. 58.

молотыбы и веяния – с. 36.27–32), что могло бы служить указанием на интерес автора и адресата к хозяйствованию на земле. Мы могли бы высказать предположение, что куратор Пил был администратором (государственных?) поместий. Но вернемся к письму Игнатия.

Он возражает против требований куратора: согласно божественному закону, заявляет Игнатий, монастырям дарована свобода (ἐλευθερία) от обложения; к этому он добавляет, что монастыри возносят молитвы о здоровье и благополучии божественных и сиятельных императоров (стк. 27–32). Он просит Константина аннулировать “этот нечестивый побор” и оставить монастыри “в сфере епископской воли и руки” (стк. 34–42).

Два письма из нашего сборника трактуют две налоговые статьи, синону и ситаркию, природа которых многократно обсуждалась византинистами. В письме 7 Игнатий обращается к нотарию, спафарокандидату Николаю по поводу печальных событий, обрушившихся на церковь в связи с требованием казны (τοῦ δημοσίου) (стб. 7.18); в туманных выражениях Игнатий сообщает, что церковь (он не уточняет какая именно) пользовалась “щедрым милосердием” (σαφλοῦς ἡμερότητος) и была полностью освобождена от “наездов и взысканий со стороны казны” (περιφορῆς καὶ ὑέσεως), т.е. от государственных поборов, которые перечисляются как синона, ангария и эпирии всех сортов (я предпочитаю оставить фискальные термины без перевода на русский язык). Игнатий добавляет, что эта привилегия, или “глава” (κεφάλαιον) была чрезвычайно существенна для церкви (стк. 24–30).

Привилегия, о которой говорится в письме, была, по всей видимости, освобождением не от платежей, а от так называемого introitus, “вторжения” чиновников фиска на территорию, контролируемую церковью. Писатель сообщает далее, что в июле синона была взыскана в установленном размере и что церковь получила квитанцию (ἀσφαλῆς ἀπόδειξις) во избежание повторного взыскания (стк. 39–43). Однако несмотря на все предосторожности, “буря взыскания синоны” разразилась, угрожая увлечь клир в “бездну бедности” (стк. 44–46): налоговые сборщики требовали уплаты 6 модиев с каждого, будь то грудной младенец или глубокий старец (стб. 8.1–2).

Документ содержит информацию чрезвычайной важности: мы узнаем из него, что синона была поголовным налогом, что ею были обложены лица, а не земля, что она вносилась в размере 6 модиев (зерна?) раз в год в июле. Таковы, во всяком случае были принципы обложения церковных земель в районе активности Игнатия, скорее всего в Вифинии.

Послание 8, направленное тому же Николаю, характеризует аналогичную ситуацию: вновь церковь страдает от налогового бремени, которое Игнатий находит несправедливым. В этот раз, однако, налог именуется σιταρχία и налоговый сборщик ἀρχισιταρχής (стб. 8. 36–38). Норма обложения остается той же – 6 модиев пшеницы (на этот раз природа обложения точно определена), и налог также взыскивается с каждого, с младенцев, взрослых детей и стариков (стк. 40–43). Вопрос остается открытым, были ли синона и ситаркия в понимании Игнатия синонимами или двумя разными налоговыми статьями, которые взимались в том же размере и на основе тех же принципов. Как бы то ни было, жалобы Игнатия сходны: в восьмом послании он также утверждает, что императорское постановление (πρόσταξις), равно как и старинный обычай, гарантировало безопасность каждого клирика данной церкви и освобождали их от всякой (налоговой) несправедливости (κάκωσις) (стб. 8.45–9.2), но, несмотря на это, “едва лишь ситаркия, уплаченная нами, была засыпана в государственные амбары, новый архиситарх обрушился на нас как гром среди ясного неба” (стб. 8.36–38). Игнатий обращается к Николаю с просьбой уничтожить эту гангрену (стб. 9.6–7).

Письма 7 и 8 свидетельствуют, что натуральная (в зерне) уплата составляла известную, может быть существенную, часть государственного обложения в IX в., хотя мы не располагаем данными для того, чтобы исчислить в точности процент, который принадлежал ей. Письмо 21 показывает, что в это время существовала и государственная повинность по транспортировке хлеба, взысканного с налогоплательщиков.

Это письмо, адресованное логофету геникона Димохарису, известному также из переписки Феодора Студита⁴, – один из наиболее живых образцов византийской эпистографии. После заверения Димохариса в своей дружбе Игнатий переходит к существу дела; он, однако, не формулирует проблему в юридических или фискальных терминах, но старается поразить воображение своего читателя и друга необычайностью описываемых им событий: “Вчера, в обеденный час, какие-то люди столпились у дверей моего жилища; они были вне себя от огорчения” (стб. 22.8–11). С большим мастерством Игнатий откладывает описание дела в тем самым возбуждает любопытство читателя: он описывает этих просителей, грязных, невымытых, с головами, закутанными тряпками, что прикрывали их выбритые черепа. Смотреть на них было мучительно. Игнатий пишет: “Я спросил их, о чем они ходатайствуют”. Но писатель еще не готов дать ответ на свой вопрос. Вместо этого он заставляет просителей обнажить свои спины, исполосованные шрамами от битья, их грязную волосню со следами от бритвы. История достигает своего апогея: Игнатий, участник событий, и Игнатий, рассказчик событий, сливаются в простой фразе: “И тут мне все стало ясным”.

Ходатаи были жителями островка Андروتти (местоположение неизвестно), которые совершили преступления по отношению к казне, а именно, будучи навклерами на кораблях, обложенных повинностью транспортировать государственные грузы, они позволили себе присвоить незначительное количество пшеницы, ибо они страдали от голода (стк. 30–37). Игнатий просит Димохариса даровать им прощение, коль скоро ущерб, причиненный ими казне, был ничтожным; к тому же остров, где они жили, не имел ни топлива, ни питьевой воды и вообще был лишен каких-либо средств существования. Я плакал, заключает Игнатий, представляя себе обитательниц (этого острова), которым нужно тяжело трудиться, добывая топливо и воду (стлб. 23.5–10). Последняя фраза недостаточно ясна: видимо, Игнатий имел в виду, что женщинам приходилось выполнять мужскую работу, пока их мужья были арестованы, а не то, что снабжение острова водой и топливом было регулярной обязанностью женщин.

Послание 21 дает нам редкую возможность заглянуть в организацию принудительной транспортировки зерна в IX столетии.

В одном из писем из второй части сборника (послание 56) писатель обращается к куратору Константиакосу (?) и просит его о помощи. “Резкий и настырный практор” угрожает Игнатию наказанием; если он не уплатит свои недоимки (ὀφειλή). Вряд ли термин употреблен здесь в техническом значении⁵, писатель будет брошен в тюрьму, покуда он не уплатит последний грош (стб. 54.12–19). Здесь жалоба лишена деловой ясности, типичной для писем первой части.

Эти случаи, описанные Игнатием, весьма важны для нашего понимания византийской экономики IX в. Переписка содержит и иную важную информацию, например Игнатий упоминает брачный контракт и отношения собственности, определенные в нем (письмо 19). Письма содержат имена различных чиновников и могут служить источником для изучения византийской просопографии (я хотел бы отметить, что в переписке нет ни единого фамильного имени) и административной системы. Переписка Игнатия заслуживает большего внимания, чем она пользовалась донныне.

Перевод с английского автора

⁴ *Theodori Studitae Epistulae*, recensuit Georgios. Pars 2. Berolini; Novi Eboraci, 1992. Ep. 426. P. 596 tit.

⁵ Термин “офелия” из ряда поздних документов начиная с 1275 г.; его значение неясно (см.: ODB. 1991. 3. 1527). По-видимому, между двумя терминами нет связи. во всяком случае очевидной связи.